

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

О. Ю. Колпачева

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

УДК 371.3
ББК 34.03

Статья посвящена процессу развития образовательной системы Древней Руси, показано, что в основе ее педагогики лежали языческие и христианские традиции. Особое внимание уделено роли византийского и русского духовенства в становлении отечественной школы.

Ключевые слова: народное воспитание; византийские и болгарские просветители; церковные школы; всеобщность образования; религиозно-нравственное воспитание; первые женские школы.

O. Y. Kolpatchova

THE CONTEX OF MODERNITY THOUGHTS FOR ANCIENT RUS SCHOOL UPBRINGING.

This article is devoted to the process and development the whole educational system of Ancient Rus. It was shown that pagan and religious traditions were underlain it.

The role of Byzantian and Russian priesthood in the formation in an educational sense of national school was mostly given attention.

Key words: public education; The Byzantian and Bulgarian educators; church schools; for high and low education; religious and moral upbringing; the first all-girls schools.

Процесс становления и развития образовательной системы Руси носил двусторонний характер и определялся как факторами антро-

пологического плана — менталитетом народа, его традициями, так и влиянием Византии, соединившей в своей культуре традиции античности

с православной христианской идеологией.

Еще задолго до возникновения древнейшей русской государственности в племенных славянских образованиях сложилась система воспитания, базирующаяся на бережно передаваемом из поколения в поколение опыте предков. К сожалению, ввиду малочисленности источников, очень сложно представить себе полную картину воспитания древних славян, о ней можно судить по немногочисленным упоминаниям в произведениях византийских, болгарских и других авторов, результатам археологических раскопок, дошедшим до нас устным преданиям, народному фольклору, сохранившимся долгое время в деревенской среде патриархальным традициям и обычаям.

Можно предположить, что первоначально процесс воспитания осуществлялся в рамках традиций общинно-родового строя и был поручен наиболее уважаемым членам рода. С возникновением и укреплением позиций семьи воспитание постепенно перешло в руки родителей. Еще на раннем этапе развития общества воспитание стало носить дифференцированный характер в связи с различием ролей мужчины и женщины в обществе. Несмотря на это, представляется возможным выделить в нем общие основы: в детях, прежде всего, воспитывались качества, необходимые человеку для непрерывной борьбы с враждебными ему силами природы, для его нелегкой трудовой деятельности, а также для противостояния набегам чужеземных племен.

Воспитание проходило в процессе приобщения детей к труду и носило

наглядный характер. Ребенок рано становился полноправным участником трудовых процессов, праздников, игр, по мере взросления допускался к различным ритуалам, что в немалой степени способствовало формированию определенных качеств характера. Процесс вхождения во взрослую жизнь завершался определенной церемонией, где свое право считаться полноправным членом общины следовало доказать, пройдя ряд серьезных испытаний, что, несомненно, также носило воспитательный характер.

Существенное влияние на воспитательный процесс оказывали верования славян. Язычество, исповедуемое ими, включало поклонение многим богам и божкам, явлениям природы, душам предков. За столетия своего существования оно оказало серьезное влияние на уклад жизни народа, его мировоззрение, культуру, воспитание. Как в небесной иерархии, где боги подчинялись старшему — Перуну, а им, в свою очередь, были подвластны русалки, домовые, кикиморы, так и в каждом доме господствовал хозяин: отец над детьми, муж над женой, старшие дети над младшими. Следует отметить, что власть старшего в семье наряду с правами налагала на него и серьезные обязанности: он должен был защищать своих близких от внешних опасностей, заботиться об их благополучии, следить за выполнением каждым членом семьи его обязанностей. Именно он отвечал перед родом за проступки членов семьи. В этот период были заложены основы русской патриархальной семьи, которая являлась главным институтом воспитания в обществе на протяжении столетий.

Основой жизни славян был труд. Без этого невозможно было выжить в те времена. Поэтому трудовому воспитанию уделялось главное внимание. Независимо от состояния семьи, мальчиков учили обращению с оружием, охоте, навыкам земледелия и скотоводства, ремеслам, девочек — умению вести дом, ухаживать за детьми, шитью и т. д. Умельцы пользовались большим уважением, и это играло не последнюю роль в решении бытовых проблем, особенно когда речь шла о приеме в семью нового члена: родителям хотелось, чтобы будущий зять или невестка были хорошими работниками.

Условием выживания и приспособления к природе была коллективная деятельность, когда вся община сообща участвовала в решении бытовых, трудовых и военных проблем. Сложившийся на основе этого демократический образ жизни способствовал формированию у древних славян социально-психологической установки природного равенства людей, идеала справедливости для всех.

Опыт воспитания, накопленный народной педагогикой, нашел свое отражение в произведениях устного народного творчества. Через колыбельные, поговорки, сказки перед ребенком раскрывался окружающий его мир, он вбирал определенные нравственные ценности, усваивал нормы поведения. Представления наших предков об идеалах, о принципах воспитания, нравственных качествах человека, его долге перед обществом и семьей; основы религиозного, трудового, эстетического воспитания нашли свое отражение в былинах и сказаниях, на которых воспитывались

поколения и которые не утратили своего воспитательного значения и сегодня. Фольклор не только являлся своеобразным учебником жизни, но и составлял неотъемлемую часть тогдашнего бытия, с его мудростью и предрассудками.

По мере экономического развития общества и его социальной дифференциации воспитание перестает быть единым. Если у рядовых членов общества основой оставалось трудовое воспитание, расширявшееся в ремесленной среде до наследственного ученичества, то для представителей знати все большее значение приобретала военная подготовка и приобретение навыков руководства общиной.

Серьезные изменения в подходах к воспитанию детей и юношества начались с принятием в 988 г. на Руси христианства, отвечавшее интересам государственной политики и активно поддерживавшееся правящими кругами. Восприятие христианства от Византии, соединившей в своей культуре традиции античности с православной христианской идеологией, существенно сказалось практически на всех сторонах жизни древних русичей. Став первоначально религией господствующих классов, городского населения, оно постепенно трансформировалось в форму властвовавшей в обществе идеологии, стало определять психологию и поведение человека того времени, выработку его религиозно-нравственных идеалов, определивших жизнь общества на столетия. Базисом христианской педагогики, в отличие от языческой, являлась книжная культура. Грамотность, навыки письма были необходимы для усвоения религиозных норм, прописанных в священных

текстах, знакомства с трудами отцов церкви, переписи богослужебных текстов. Неудивительно, что с принятием православия наряду с семей роль воспитательные функции взяла на себя церковь, на восемь столетий став во главе образования на Руси.

Святые отцы прямо предписывали священникам заботиться о развитии образования. «Лучше же (священник) да идет учить отроков, читая им божественное писание, ибо для сего и священство получил», — указывалось на VII вселенском соборе [3. С. 127]. О деятельности первых священников по развитию народной школы свидетельствуют исторические источники. Так, В. Н. Татищев писал, что митрополит Михаил советовал князю Владимиру «устроить училища на утверждение веры и собрати дети в научение; и что Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздавая по церквам священников со причетники в научение книжное» [10. С. 75–76]. Как свидетельствуют летописи, ревностную заботу о школе проявляли многие русские князья, жертвовавшие на это немалые средства [5. Т. I. С. 79, 97–98].

Совместные усилия церкви и государства позволили параллельно с распространением христианства успешно решать задачи развития просвещения и школьного дела. Духовенство активно участвовало в создании школ, священники составляли основную массу первых учителей. Первые просветители были присланы на Русь из Византии и из Болгарии в целях обращения русичей в христианскую веру. По свидетельству летописцев, прибывшие на Русь епископы были весьма образованы. Так, первый мит-

рополит Михаил выделялся мудростью и благочестием. То же говорится и о его преемнике греке Леонтии. Что же касается первых священников, то В. Н. Татищев писал, что «царь ...Болгарский Симеон присла иереи учены».

Эти и другие факты, свидетельствующие об образованности византийских и болгарских просветителей, позволяют предположить, что деятельность первых русских школ соответствовала самым высоким образцам своей эпохи. Эту же мысль подтверждает анализ сочинений летописца Нестора, киевского митрополита Иллариона, епископа Кирилла Туровского и других просветителей Древней Руси.

Являясь религиозно-общественными заведениями, церковные школы были тесно связаны с жизнью древнерусского общества. Наличие такой связи имело громадное значение для развития народного образования. Во-первых, деятельность Русской Православной церкви характеризовалась достаточно высокой организацией, — столь же организованными были и функционирующие при ней школы. Значение этой организации становится понятным, если вспомнить о постоянных междоусобных войнах Древней Руси, в процессе которых только церковь, а следовательно, и школы, сохранялись в неизменном виде. Во-вторых, созданные при церквях и тем самым приближенные к простым прихожанам, первые школы изначально были всесословными, народными, что играло существенную роль в развитии просвещения и распространении знаний. В-третьих, обучая детей, школы одновременно выполняли функцию их

религиозно-нравственного воспитания, способствовали сплочению древнерусского общества на идеалах веры, добра, справедливости, единения русских земель. «Любовь имайте со всяким человеком, а особенно с братиею, и да не будет иное на сердце, а иное на устах... Прощайте брат брату и всякому человеку. Чтите старого человека и родителей своих; не клянитесь именем Божиим... Бога бойтесь, князя чтите. Не убий, не укради, не не солжи, не будь доверчив лжи; не ненавиди, не завиди, не клевети», — поучал первый русский проповедник новгородский архиепископ Лука Жидята (1035—1059) [5. Т. I. С. 124—126].

Обучение в основном носило смешанный характер, однако уже в XI веке стали появляться отдельные школы для девочек. Развитие женских школ было связано с возникновением женских монастырей, а организаторами таких школ стали представительницы княжеских родов [10. С. 138]. В 1086 году, приняв постриг, внука Ярослава Мудрого Янка (Анка) в Андреевском монастыре стала обучать девочек грамоте (чтение и переписывание божественных книг считалось главным средством спасения души), пению (оно требовалось для отправления церковных обрядов), рукоделию (чтобы будущие монахини не вели праздного образа жизни). Следует особо отметить важность этого события, поскольку училище Янки являлось первым общеобразовательным женским учебным заведением в Европе. Аналогичные школы были созданы в XI—XII вв. княжнами Ефросиньей и Феодосией.

Дошедшие до нас источники дают представление о содержании обучения

в них. Основными учебными предметами, согласно В. Н. Татищеву, являлись православное учение, чтение, письмо, пение, счет. На содержание обучения указывают и некоторые русские былины. Так, согласно былинам о Василии Буслаеве, матушка отдавала его учиться грамоте, письму, пению. Былинные тексты говорят и о том, что образованные люди не были чем-то необычным для того времени: славился «вежеством» Добрыня Никитич, грамотен спутник Алеши Поповича Яким Иванович, отписывает «лебединым пером» свои именина Садко и т. д. [2]. О владении значительным количеством людей грамотой и письмом и счетом свидетельствуют и берестяные грамоты, вошедшие в таблички, писала, найденные при раскопках Новгорода.

В обучении преобладало христианское начало. Но большинство исследователей сходятся в мнении о том, что религиозная направленность образования лишь отражала общее устройство древнерусского общества и не свидетельствовала о церковном предназначении первых учебных заведений. Да и как могла, отмечал В. Н. Лешков, «исключительно церковная, духовная школа породить результаты, иногда исключительно светские, частью с примесью язычества, каковы: Слово о полку Игореве, Слово Даниила Заточника, Сказание об убиении Андрея Боголюбского, о Калкской битве и другие сказания, вошедшие и не вошедшие в летопись?» [4. С. 218].

Следует предположить, что обучение в школе не имело профессиональной направленности, а предполагало главным образом «овладение книжной премудростью». Изучение рукоделия,

шитья и других ремесел, имевшее место в школы Янки, нельзя рассматривать как профессиональную подготовку. Это, а также летописное известие о том, что князь Владимир повелел набирать детей «в научение книжное» из «нарочитое чади», то есть из представителей высшего сословия, вряд ли может служить доказательством существования в Древней Руси двух типов школ — элементарной для народа и высшей, занимающейся не только обучением грамоте, но и подготовкой к какой-либо профессиональной деятельности. Других свидетельств деятельности о разделении школ по типам не сохранилось. Это дает основание предположить, что планам князя Владимира не суждено было осуществиться. Несмотря на отсутствие документальных свидетельств, появившаяся в XIX веке гипотеза о двух типах школ поддерживается некоторыми современными исследователями, считающими, что существовали школы повышенного типа для знати и элементарные школы [1. С. 14—15; 7. С. 74].

Общая логика развития образования свидетельствует об обратном. Во-первых, истинное значение указаний Владимира приобретает иной, чем создание сословной школы смысл, если учесть отношение народа к новой религии и создаваемым в ее лоне школам. Христианство, как любое новое явление, должно было первоначально встретить и встретило отпор со стороны идеологов языческой веры и недоверие среди большинства населения Древней Руси. Это недоверие распространялось и на просвещение, о котором заботилось духовенство. Иное отношение к школе наблюда-

лось среди дружинников и ближайшего окружения князя Владимира, являвшихся сподвижниками во всех его начинаниях. К своим сподвижникам и обращался князь, создавая первые школы.

Во-вторых, опыт князя Владимира по созданию школы высшего типа должен был получить распространение, что не могло бы пройти мимо внимания летописцев, однако этого не произошло.

В-третьих, о существовании в древности на Руси школы только одного типа, предназначенной для детей всех сословий, косвенно свидетельствует историческое известие времен преемников Владимира Ярослав Мудрого. Говоря об основании школы в Новгороде, Софийская летопись отмечает, что князь «собра от старост и поповых детей 300 учите книгам» [7. Т.V. С. 136]. Речь, таким образом, идет не об отдельной школе для отпрысков знатных сословий, а также и для детей духовенства. На начальном этапе развития русского общества иначе и быть не могло, так как учащиеся должны были в будущем не только стать помощниками князей, но и священнослужителями, военачальниками, учителями, и о какой-либо дифференциации школы говорить было преждевременно.

Несмотря на отсутствие точных сведений, исторические источники позволяют представить динамику развития школьного дела в Древней Руси. Из дошедших до нас распоряжений князя Владимира видно, что школы, по его замыслу, должны были создаваться в каждом церковном приходе: «И послав по всем градам своего царства и по странам и пове-

лел дети отъимати у нарочитых людей и учити грамоте, — писал летописец Переяславля Суздальского. Данное известие подтверждается свидетельством монаха Иакова, отмечавшего, что Владимир «повелел попом по градом и по селом люди ко крещению приводите и дети учити грамоте» [5. Т. I. С. 266]. Другой источник, «Никонов список», свидетельствует, что «бысть (при Владимире) множество училищ книжных и бысть от сих множество людий мудрых философ» [8. Т. I. С. 94]. Сохранились отрывочные сведения и по отдельным городам Древней Руси. Так, в летописях упоминается, что в Курске во второй четверти XI века было несколько учителей, в Новгороде Ярославом Мудрым было заведено училище на 300 детей [7. Т. V. С. 136]. В конце княженья Ярослава школьное дело, по словам летописца, представляло не только «взоранную, как при князе Владимире, но и засеянную ниву» [7. Т. V. С. 136].

Более поздние летописные своды дополняют картину о развитии школьного дела в домонгольский период. Среди них известия о подавании Всеволода Ярославовича (2-я половина XI в.) в пользу монастырей, церквей и училищ, о смотре в тот же период училищ Давидом Игоревичем Владимиро-Волынским, о понуждении «многих людей» к учению смоленским князем Романом Ростиславичем (2-я половина XII в.) и др. [10. С. 144, 181, 238, 280; 5. Т. III. С. 124—125].

Подводя итог сказанному, правомерно констатировать, что домонгольский период являлся временем активного становления национальной школы и распространения просвеще-

ния на Руси. «Насколько относительно быстра и успешна образовательная деятельность первых русских правителей и духовенства, особенно во время Ярослава, и насколько восприимчивы к учению были русские люди, — писал пионер отечественной истории педагогики Л. Н. Модзалевский, — можно судить по известному выражению летописца, что “Ярослав, насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное”» [6. С. 494—495].

Древнерусская школа являлась всесловным общеобразовательным учебным заведением, одновременно осуществлявшим просветительскую и воспитательную функции. Ее характерные черты определялись сложившимися на Руси конкретно-историческими условиями: привнесением просвещения вместе с христианством из Византии, отсутствием национального опыта образовательной деятельности, первоначальным неприятием школы большинством населения, ее развитием в условиях борьбы новой религии с язычеством и др.

Обучение в школах было народным по своей сути. Услугами учителей по договоренности об оплате могли пользоваться все желающие. Грамота константинопольского патриарха Германа II киевскому митрополиту Кириллу I (1224—1233) свидетельствует, что первоначально учениками были только дети, а затем и взрослые. Первые училища были церковными и практически весь домонгольский период развивались в лоне церкви. То, что церковь не делила прихожан по сословному признаку, определило народный характер образования в Древней Руси.

Своими лучшими качествами русская школа была обязана просвещенному византийскому и русскому духовенству, обеспечившему перенос на русскую почву накопленного церковью прогрессивного педагогического опыта и создавшему христианскую по направленности, но национальную по содержанию и технологиям школу. Найдя в древнерусском обществе благодатную для себя почву, опираясь не поддержку церкви и светской власти, школа не только успешно решала свои прямые задачи, но и явилась фундаментом для построения всего здания русской культуры, сыграла важную роль в развитии государственности.

Все резко изменилось с началом нашествия татаро-монголов во второй половине XIII в. **Были разрушены города** — культурные центры Древней Руси, сожжены монастыри с их библиотеками, погибло огромное количество жителей. И хотя после покорения страны, как отмечает Макарий, «монголы в мирное время отнюдь не препятствовали русским (по крайней мере, о препятствиях не сохранилось ни одного известия) учиться грамоте и поддерживать или вновь открывать школы, как не препятствовали строить и возобновлять церкви и монастыри», двухсотлетние периодические набеги на Русь не давали возможности плодотворно развивать школьное дело [5. Т. III. С. 128–129].

Татаро-монгольское нашествие привело к ослаблению культурных связей Руси с Византией и южнославянскими странами, служившими для нас источниками просвещения. Отдельные контакты продолжали существовать, о чем свидетельствовали поездки наших предков в Студийский,

Иоанна Предтечи, Афонский монастыри для переписи книг и пострига, назначение Византией своих митрополитов и патриархов, но они не могли заменить прежнего плодотворного сотрудничества. С падением Византии и захватом южнославянских земель турками отношения прервались окончательно. В ходе нашествия произошел раскол Древней Руси, и южные земли отошли в конечном итоге к Литве и Польше. Южнорусское духовенство воспользовалось западноевропейским опытом школьного дела, создав под своей эгидой братские школы и обеспечив тем самым высокий уровень образования населения.

Духовенство северо-западных земель оказалось более последовательным в защите идеалов враждебно настроенной против католицизма греческой церкви и не последовало примеру своих южных соседей. Оказавшись в вынужденной изоляции от Византии, в обстановке княжеских распрей, испытывая, в отличие от юга, значительно большее давление захватчиков, Северная Русь достаточно быстро утратила свои культурно-образовательные позиции. Как отмечал Соловьев, «удаление от других народов христианских, состоявших с ними на одинаковой степени гражданственности, и вступление в постоянное сообщество только с народами, стоящими на низшей степени, не могли действовать благоприятно на нравы... Грубость нравов и причины этой грубости должны были (в свою очередь) задержать также и их литературное развитие» [9. Т. IV. С. 340].

Прежде всего, наблюдалось снижение образовательного уровня священнослужителей, ранее высту-

павших в роли учителей. Начавшись с сокращения притока на Русь византийцев, данный процесс привел, по выражению митрополита Исидора, к полной «некнижности» как высшего, так и низшего духовенства. Справедливость этого утверждения подтверждает Макарий, указывающий, что «тогдашние владыки наши не все в состоянии были сами от себя и поучать народ истинам». В отсутствии прежнего учительства на протяжении всего татаро-монгольского ига постепенно понижался и уровень народного образования. Даже князья и составлявшие их ближайшее окружение люди не отличались начитанностью. О Дмитрии Донском, например, летописец говорит, что «книгам не учен беаше добре», а Василий Темный характеризуется как некнижный и неграмотный [7. Т. IV. С. 351].

В то же время нельзя говорить о том, что в этих тяжелейших для страны условиях, несмотря на внутренние трудности, Русская Православная церковь оставила попечения о воспитании народа. По мере своих возможностей она не давала окончательно заглохнуть делу просвещения на Руси.

Передовые представители церкви заботились о распространении просвещения среди духовенства и простого народа. Многие сделали для развития школьного дела митрополит Кирилл, осуществивший инспекцию сохранившихся школ. О важности просвещения священнослужителей и паствы писали его преемники митрополиты Петр и Алексей. Однако, несмотря на их усилия, народное просвещение развивалось крайне слабо. Этому не следует удивляться — перед страной стояли более важные задачи

выживания, освобождения от захватчиков, воссоединения земель. О том, что задачи просвещения занимали отнюдь не ведущее место в жизни страны, может свидетельствовать то, что в документах монгольского периода отсутствуют требования к низшему духовенству об исполнении их учительского долга, упоминаний о заботе князей и бояр о создании и содержании училищ и библиотек, переводе и переписывании книг.

Летописи сохранили сведения о нескольких школах, функционировавших в XIV веке в Москве, Ростове, Устюге, Новгороде. К XV веку относятся сведения о школе в г. Кашине. Этих школ было явно недостаточно для обеспечения потребности не только простых людей, но и представителей привилегированных сословий в получении образования. В частности, князь Михаил Александрович Тверской был вынужден обучаться в Новгороде у архиепископа Василия, а будущий святитель Алексей Тверской постигал азы грамоты в московской школе, что свидетельствует об отсутствии соответствующей школы и учителей в самой Твери [7. Т. III. С. 81].

Согласно летописным источникам и житиям святых, школы в XIV—XV вв. оставались общеобразовательными и всесословными заведениями, возглавляемыми духовными лицами, и строили учебный процесс по образцу своих домонгольских предшественниц. В то же время во многих школах программы обучения были существенно сужены ввиду нехватки образованных учителей, а также из-за перехода окончивших школы учеников в число священнослужителей. Проблематичным стало и обучение

женщин. Постепенно изменившийся под влиянием византийских норм и подкрепленный библейскими преданиями взгляд на женщину как на создание не совершенное и греховное, практически вычеркнул ее из общественной жизни. Женское образование теплилось лишь в монастырях, где женщины находили защиту от нравов эпохи и куда укрывались оставшиеся без мужской защиты вдовы и сироты. Монастырский уклад требовал от них умения читать священные тексты, петь, переписывать книги.

Описанный период относится к самым драматическим и неисследованным в истории русского образования. Тем не менее, по сохранившимся источникам можно сделать вывод о роли церкви в поддержании культуры и просвещения в стране. Можно упрекать священнослужителей в том, что они по примеру юго-восточных коллег не воспользовались западноевропейским образовательным опытом, но нужно и понять стремление Русской Православной церкви противостоять католицизму и сохранить свою самобытность.

Список литературы

1. Барабанщиков А. В., Иванов В. И. История отечественной и зарубежной педагогики. В 3-х частях. — Ч. II / А. В. Барабанщиков, В. И. Иванов. — Голицыно: ГВИПВ РФ, 1994. — 120 с.
2. Былины / Сост. В. И. Калугин. — М.: Современник, 1986. — 234 с.
3. Книга правил св. апостолов, св. соборов вселенских и поместных. — М., 1893. — 134 с.
4. Лешков В. Н. Русский народ и государство. — М.: Университет, 1858. — 478 с.
5. Макарий. История русской церкви в 13-ти тт. — СПб., 1868.
6. Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. — Изд. 2-е. — Т. II / Л. И. Модзалевский. — СПб., 1892. — 576 с.
7. ПСРЛ. в XXIV тт.. — СПб., 1841—1921.
8. Русская летопись по Никонову списку. — Т. I. — СПб., 1767. — 120 с.
9. Соловьев С. М. История России / С. М. Соловьев. — М., 1871. — Т. IV. — 391 с.
10. Татищев В. Н. История России с древнейших времен / В. Н. Татищев. — СПб., 1773. — Т. 2. — 395 с.